

Тот, кто достиг стадии Зарождающейся Души, не дожив до пятидесяти лет, мог носить почётное звание даоцзюня.

Зарождающаяся Душа была подобна непреодолимому рубежу, чётко разделяющему бессмертных и смертных, а также навсегда закрывающему путь тем, чьи природные таланты были заурядны.

Цзин Жун был первым даоцзюнем Зарождающейся Души со времён Бессмертного Мечника Северного Неба Ли Чжифэна, заполнив пустоту, длившуюся более тысячи лет. Он был почитаемым всеми Даоцзюнем Жунсе, а также несравненным, одарённым свыше любимцем небес.

За те несколько десятков лет, что он шёл по пути дао, он никогда и не помышлял о том, чтобы взять ученика. И вот теперь, когда он внезапно объявил о намерении обзавестись закрытым учеником, им оказался обычный смертный, подобранный у подножия горы, причём безо всяких испытаний и отбора. Другие не осмеливались говорить об этом прямо перед ним, но это не означало, что у них не было возражений — особенно у тех выдающихся молодых новичков, которые уже давно мечтали стать учениками Цзин Жуна.

Нянь Цин был как раз одним из таких. Он всегда служил в Зале Дисциплины и также считался учеником из числа записываемых при Пике Линсяо. Сейчас ему не исполнилось и двадцати, а он уже обладал культивацией на Пике Закладки Основания — истинный талант, из которого мог выйти толк. Многие старейшины секты хотели взять его в ученики, но он всем отказывал, всё выжидая, когда же старшее поколение в лице младших дядей и теток решит набрать учеников.

Но, к несчастью, стоило появиться Мо Линъюню, как его мечтам пришёл конец.

Однако Нянь Цин всегда отличался жизнерадостным нравом и, выполняя сегодняшние обязанности, одновременно утешал себя:

— Ничего страшного. Хоть мне и не довелось стать учеником юного главы секты, дядя Нин ещё никого не взял в ученики, так что у меня всё ещё есть шанс.

Позади внезапно раздался насмешливый фырк.

— И что хорошего в том, чтобы стать учеником такого человека, как Нин Цин?

Нянь Цин в гневе обернулся:

— Не смей так говорить о моём дяде Нине!

Стоило ему повернуться, как он увидел Ян Суна, молодого главу школы Хэншань, который

лениво разглядывал его в сопровождении учеников своей секты:

— По-моему, у тебя неплохие задатки. Неужели ты и впрямь доволен ролью рядового ученика в Секте Сюаньтянь?

— И что с того, что рядовой? Наша секта — первая за Девятью Небесами, здесь и духовная энергия, и ресурсы, и наставники — всё на высшем уровне.

Нянь Цин тоже не собирался сдаваться без боя, особенно учитывая, что этот человек сначала унизил его дядю Нина. Если поспрашивать здесь, в Секте Сюаньтянь, кто не знает, что Нянь Цин — преданнейший сторонник Нинь Цина?

Ругать его самого он ещё позволял, но оскорблять дядю Нина было запрещено!

Между Сектой Сюаньтянь и Школой Меча Хэншань существовало небольшое напряжение. В конце концов, в школе Хэншань всегда считали, что они специализируются исключительно на мечах — не то что Секта Сюаньтянь, где водились культиваторы самых разных мастей. Они искренне верили, что заслуживают звания первой школы меча, однако стоило людям заговорить о мастерах меча, как все в один голос заявляли: «Первая секта мечников? Да это же Секта Сюаньтянь!»

И действительно, как только Нянь Цин произнёс слово первый, лицо Ян Суна мгновенно изменилось, и он выпалил со злости, уже не выбирая выражения:

— Ты, всего лишь на пике Закладки Основания, только и умеешь, что махать метлой у подножия Пика Линсяо, и при этом так легко всем довольствуешься! Не стыдно ли тебе признавать дядей человека, который погряз в связях с культиваторами демонов? Раз уж обычные ученики таковы, неудивительно, что Даоцзюнь Жунсе подобрал какого-то смертного даже без Закалки Дыхания в качестве своего пресловутого закрытого ученика...

— Молодой глава! Молодой глава! Хватит, прекратите! — испуганно оборвал его ученик, стоявший рядом с Ян Суном, и понизил голос.

— Мой дядя чист, словно луна в небе, и не имеет себе равных во всём мире! Это лишь вы, сплетники, завидуете тому, что он хорош собой, талантлив и благороден во всём! — Нянь Цин тоже завелся в споре.

Оба они не желали уступать друг другу ни шагу. Остальные ученики Школы Меча Хэншань не решались ввязываться в перепалку, но Нянь Цин, хоть и был один, пылал боевым духом, стоило зайти речи о его дяде и секте.

Пока они с Ян Суном ожесточённо препирались, в их разговор вмешался совершенно неуместный голос:

— Младший соратник Нянь! — прибывший сиял широкой улыбкой, абсолютно не понимая, чем тут занимались Нянь Цин и остальные.

Готовая сорваться с языка Нянь Цина тирада из восемнадцати ругательств застряла в горле. Он тяжело кашлянул и, сложив руки перед Мо Линъюнем, поприветствовал его:

— Старший брат.

— Так это и есть тот самый закрытый ученик, которого собрался принять Даоцзюнь Жунсе? — вмешался Ян Сун.

Он всё ещё не мог выйти из раскаленного спора с Нянь Цином и продолжал говорить мерзким, язвительным тоном:

— У него даже стадия Закалки Дыхания не пройдена? На вид и вовсе ничего особенного.

— Это вы мне? — Мо Линъюнь указал на себя и невинно взглянул на Ян Суна. Он отлично помнил этого человека — в конце концов, младший дядя Юнь прямо при нём назвал этого Ян Суна дураком.

— А кому же ещё? — продолжал язвить Ян Сун.

— Пожалуй, в твоих словах есть резон... — Мо Линъюнь не успел договорить, как кто-то слегка потянул его за воротник и оттащил за спину.

Обладавший лицом из чистого нефрита, в светлых одеяниях, подчеркивавших его несравненную благородную сдержанность, этот человек появился словно из ниоткуда, несомый ветром, обрушив на окружающих безмолвное давление.

— Моему ученику не пристало выслушивать поучения от всяких посторонних.

Голос Цзин Жуна соответствовал его облику, звучал глубоко и размеренно — так обычно говорят те, кто по праву занимает высшие ступени, не нуждаясь в гневе, чтобы внушать трепет.

Он даже не взглянул на Ян Суна, но одного его присутствия было достаточно, чтобы придавить всех тяжестью.

Ян Сун крепко сжал зубы, пытаясь сделать вид, что на него вовсе не давит аура даоцзюня Зарождающейся Души. Но охватившие его паника и страх выдавали его с головой, и он смог лишь выдавить из себя:

— Я вовсе не это имел в виду... Просто подумалось, что в Секте Сюаньтянь полно талантов, и этот соратник Нянь куда одарённое того, кого вы соизволили выбрать, Даоцзюнь...

— Я беру учеников, а тебе позволено распускать язык?

Цзин Жун бросил на него лишь один холодный взгляд, и Ян Сун мгновенно онемел.

— Или, может быть, молодой глава настолько празден, что может позволить себе бесчинствовать на территории Секты Сюаньтянь?

— Нет... Ни в коем случае...

Делегация Школы Меча Хэншань поспешно ретировалась, а Нянь Цин, прихватив свою метлу, тоже поспешил раскланяться.

Мо Линъюнь посмотрел на Цзин Жуна и позвал:

— Учитель?

Цзин Жун лишь молча смотрел на него.

Мо Линъюнь снова расплылся в улыбке, обнажив ряд белых зубов. Он чуть подался вперед и спросил пониженным голосом:

— Вы сердитесь?

— Не гневайтесь, пустяки же.

Мо Линъюнь ухватился за рукав Цзин Жуна.

— ...

— Линъюнь, запомни: раз ты мой, ученик Цзин Жуна, никому не позволено тебя обижать.

Цзин Жун с показной досадой взглянул на Мо Линъюня, внезапно подумав, что следовать старым правилам и впрямь было ошибкой — всегда найдется кто-то, кто станет попрекать Мо Линъюня его уровнем культивации.

— Хорошо.

Мо Линъюнь продолжал улыбаться. Не выпуская из пальцев краешек рукава Цзин Жуна, он позвал:

— Учитель, давайте вернемся. Я приготовлю вам молочное желе в виде кроликов.

— ...Я уже давно в состоянии полного воздержания от пищи.

Цзин Жун смущенно отвел взгляд. Этот его ученик вечно норовил приготовить для него какие-то милые закуски. Он ведь не ребенок да и давно забыл вкус обычной еды, но стоит Мо Линъюню посмотреть на него с таким ожиданием, как отказать становится просто невозможно.

— Знаю, знаю, — рассеянно отозвался Мо Линъюнь.

Он заранее был уверен, что, стоит им вернуться в Зал Линся, как он непременно займется теми самыми кроликами. В глазах всего мира его учитель был холоден и недоступен, но Мо Линъюню казалось, что перед ним он может позволить себе любую вольность, и Цзин Жун эту вольность молчаливо разрешал.

До начала официальной церемонии ученичества в голове Мо Линъюня творился полнейший кавардак. Он помнил лишь, что вокруг было множество людей, пестревших самыми яркими красками, а сидевшие на возвышении старшие старейшины выглядели невероятно торжественно.

И только он — главный виновник сего торжества — терял последние остатки терпения и рассудка под тяжестью громоздких одеяний и сложнейших ритуалов. Во время тройного поклона в его голове крутилось лишь одно: где я, кто я, и что вообще здесь происходит?

Цзин Жун, казалось, произнес длинную-предлинную речь — случай редчайший. Мо Линъюнь не расслышал ни единого слова, пока тот, опустив взгляд, не взял в руки нефритовый венец с заколкой и не спросил зычным голосом:

— Готов ли ты войти в мою обитель?

— Разумеется, готов, — без запинки ответил Мо Линъюнь.

Раньше он всегда собирал волосы в высокий хвост, а вот скреплять их венцом ему приходилось впервые. Прислуживавший распорядитель так сильно дернул его за волосы, что у Мо Линъюня заныла вся макушка. Успокаивая себя тем, что это в первый раз, и что, наверное, у всех во время надевания венца так сильно болит голова, Мо Линъюнь стоически стерпел боль, не издав ни звука.

Однако сейчас, когда Цзин Жун сам укреплял венец на его голове и нефритовая заколка

плавно скользила сквозь пряди, не было ни малейшей боли.

Проведя на ногах всю ночь, Мо Линъюнь думал, что его зрение уже затуманилось до предела, но в этот момент, оказавшись лицом к лицу с Цзин Жуном, мир вокруг него вновь неожиданно прояснился.

Если ученик при прохождении обряда посвящения должен был отвешивать три земных поклона, то обязанностей учителя набиралось куда больше: разъяснять правила секты, наставлять собственным примером и надевать на ученика венец в знак его официального вступления в круг приближенных.

Когда ритуал завершился, слуги проводили Мо Линъюня к его собственному месту и усадили за стол, а Цзин Жун вернулся на главное сиденье, чтобы выслушать официальные поздравления распорядителей и подарки от гостей.

Посидев немного на почетном месте и поглазев по сторонам, Мо Линъюнь, не умевший долго усидеть на месте, стал озираясь. Большинство сидевших впереди культиваторов казались ему смутно знакомыми. Правда, тот гений, что составлял план рассадки, умудрился усадить делегации Академии Чанчуань и Обители Иного Мира прямо напротив друг друга. Бросив туда взгляд, Мо Линъюнь заметил, что Дуань Чанкун с мрачным лицом усердно утыкался в чашку с чаем.

В делегации Обители Иного Мира присутствовало всего двое: молодой господин в темно-синих парадных одеждах, опершись локтем о стол, щелкал семечки, а второй, облаченный в черное с черными же волосами, носил маску, закрывавшую добрую половину лица. Дело было даже не в том, что их аура привлекала всеобщее внимание, а в том, что на фоне большинства гостей, одетых в светлые тона, темные одеяния этой парочки выглядели чересчур вызывающе.

Тот, что лущил семечки, казалось, ни капли не смущался своей неуместности в этой обстановке и даже пытался угостить семечками сидевшего с идеально прямой спиной мужчину в черном.

Не нужно было и гадать — этот тип на все сто процентов был главой Обители Иного Мира Шу Хуаянем, до чего же досадно-прилипчивый субъект.

Мо Линъюнь с неподдельным интересом наблюдал за этой сидящей напротив парочкой. Дуань Чанкун пребывал в состоянии полного душевного упадка, лишней раз подтверждая свою аллергию на Янь Хуая, в то время как Чанчуань Вэйюэ выглядел куда более невозмутимым, его руки двигались уверенно и плавно, когда он подавал чай и протирал салфеткой руки.

Пока Мо Линъюнь коротал время подобным образом, к нему то и дело подходили желающие завязать знакомство, предлагая выпить чаю или вина. Находившиеся среди равных ему по силе одаренные юноши издали поднимали за него кубки, и Мо Линъюнь вежливо отвечал каждому улыбкой. От алкоголя же он вежливо отговаривался:

— Завтра с утра снова занятия, пить нельзя.

Правда это или очередная отговорка — знали лишь вовлеченные лица.

День выдался ясным. Вернувшись на пик, Цзин Жун лично показал Мо Линъюню несколько приемов владения мечом. Они уже несколько месяцев провели вместе на Пике Линсяо, но времени на общение тет-а-тет выпадало мало — большую часть дней Цзин Жун проводил в уединении, совершенствуя мастерство.

Но теперь, когда Мо Линъюнь официально стал его учеником, Цзин Жун должен был обучать его основам техники лично. Смесь предвкушения и любопытства заставляла Мо Линъюня тут же записывать все дневные успехи в свой походный блокнот.

Днем светило солнце, но ночью небо разверзлось проливным дождем. Аккурат в тот момент, когда ливень только набирал силу, до них дошли вести о том, что у его дяди Нина вновь прихватило сердце. Цзин Жун молча глянул на водяные потоки за окном, и Мо Линъюнь, заметив по его лицу, что настроение наставника испортилось, тихо спросил:

— Учитель? Вы навестите дядю Нина?

Цзин Жун на мгновение замер — вероятно, не зная, что ответить. Он небрежно сложил пальцы в мечевую печать, и висевший в главном зале Меч Линсяо послушно опустился ему в ладонь:

— Я скоро вернусь.

— Ага, хорошо, — кивнул Мо Линъюнь.

Он уже собирался проводить Цзин Жуна до выхода из Зала Линсяо, как вдруг вспомнил, что тот даже не захватил зонт, и бросился вдогонку, звонко окликая:

— Ой, учитель, подождите! Возьмите хоть зонт!

Но когда он выбежал с зонтом на крыльцо, в пелене дождя и следа не осталось от Цзин Жуна — очевидно, тот взмыл в небо на мече и направился напрямик к Пику Цинъюнь.

Мо Линъюнь с зонтом в руке в нерешительности посмотрел на бушующий за стенами ливень, пробормотав про себя, что культиваторам Зарождающейся Души не страшны ни холод, ни зной. Ему же срочно требовалось доспать свое — он не смыкал глаз всю ночь, а завтра на рассвете предстояло снова идти на занятия.